

НИКОЛА
МАЛОВИЧ

ПАРУС НАДЕЖДЫ

Перевод с сербского
Анны Росткиной

■ Laguna ■

Название оригинала:
Никола Маловић
ЈЕДРО НАДЕ

Copyright © Никола Маловић, 2014
Text copyright © ЛАГУНА, 2017

На развороте:
Пераст – Винченцо Мариа Коронелли, Венеция, 1685
(Предоставлено Музеем города Пераста)

Република Србија
Министарство културе и информисања

Ова књига је објављена уз помоћ Министарства културе и информисања Републике Србије.

Књига објављена при подршци Министарства културе и информација Републике Србије.

Переводчик благодарит за помоћ при переводе и транслитерацији с других језика Евгенију Прокопјеву (Милграм) (италијански), Шломо Кроља (иврит) и Јулију Дрејзис (китайски).

Kupovinom knjige sa FSC oznakom pomažete razvoj projekta odgovornog korišćenja šumskih resursa širom sveta.

NC-COC-016937, NC-CW-016937, FSC-C007782

© 1996 Forest Stewardship Council A.C.

*Брату Борису,
офицеру торгового флота*

СОДЕРЖАНИЕ

I

1. Я уезжал, в действительности возвращаясь... . . . 17
2. Котор. Лодочник Тони. 18
3. В Городском саду, под кроной цветущего
апельсинового дерева.. . . . 21
4. «С горой с тыльной стороны,
немногочисленными виноградниками
и козами на плодородных каскадах по склонам
исторический выбор у Пераста был невелик». . . . 27
5. Продавщица черепах и два священника.
Беженцы из Израиля. 32
6. Холодный лимонад на раскаленной лестнице. . . . 40
7. «Перастская женщина в прошлом была стрелой». . 47
8. Старик Криле. 50
9. У источника. 56
10. Эпитет исторического *Города мертвых* Пераст
впервые получил после страшного разграбления, в
1624 году. «Производство одежды для флота». . . . 58

11. <i>Фраголы</i> из Залива – дар Исаака.	60
12. Речь Марии Змаевич в церкви святого Иоанна. . .	62
13. Никола Смекия – ось перастского предпринимательства.	67
14. Ран не меньше, чем волн – вдоволь нагляделись перастчане.	72
15. Марш на Котор.	74
16. Завод по производству готовой одежды для флота «Ядран – Пераст».	80
17. From: blu.bianco.blu.bianco@gmail.com.	84
18. Демонтаж модного производства «Smecchia». . . .	85
19. From: marija.mvsevm@gmail.com.	87
20. «Уже в июле я начал обрывать все нити, кроме деловых контактов».	91
21. У базилики святого Николая. Фотомозаика.	93
22. Матросская футболка: элементарный предмет одежды. Оригиналы и подделки.	101
23. Два письма. Фашинада через Google. Два священника.. . . .	104
24. И история морской полосы. Трафальгарская битва	108

II

1. Котор. Круизные лайнеры: обособленные плавающие города.	115
2. Лодочник Тони: ссора & примирение.	118
3. Туристы. Август.	122
4. Перформанс обнаженной труппы: Nor Way.	125

5. Змаевич на волнах радио. Норвежцы волнами по всему Перасту.	129
6. Палата Смекия, необъятные владения.	131
7. «Рассказ без конца и края – история о сине-белом феномене в одежде».	135
8. Вылазка в город. Costa Misteria. «Голый, ладно сложенный мальчонка». Перастские барочные палаты.	139
9. Секретарь морской промышленности и кораблестроения и Mozzo.	145
10. Встреча с Марией. На лодке. Флот ловцов кальмаров. О связях.	151
11-12. Эмоциональная прелюдия.	153
13-15. Заниматься любовью, ночью, в море.	158
16. Метеоритный дождь.	164
17-18. Жизнь в барочном стиле.	167
19. Ночь в палате Смекия. Музыка: «Тельняшка». Геккон. Корабли маслом.	174
20. Китайцы мертвы.	180
21. Свечи в церкви святого Николая. Два священника. Google Ear.	184
22. Три яблока для Криле Криловича.	189
23. Голый Mozzo.	194
24. В цирюльне.	202

III

1. «Корабль с производственной аппаратурой Модного производства «Smecchia» так никогда и не прибыл в которский порт».. . . .	209
--	-----

-
-
2. Ураганная буря рвала и перекатывала апельсины . 212
 3. Запись в камне на стене палаты Змаевич:
«Сдайся под натиском времени;
Противодействуй в начале». 217
 4. Влезать ли в ярмо кредита? Грация, который
живет с матерью на лестнице дона Павла
Бутораца – весь желтый. 220
 5. «Google Eye отвечал за то, чтобы заметить сверху
прежде человеческого глаза, как апельсин из
супротивного Столива, запущенный рукой умелого
игрока бочке, перекатывается по льду прямиком
в Пераст». Хор евреев. Коло Бокельского флота.. 228
 6. Открытка с изображением обоих островов. Две
сестры, одна из которых беременна. Еврейский
юмор. *Deus ex machina*. 232
 7. Апельсиновый сок. 240
 - 8-11. On the road:
 - 8) На велосипедах от Пераста
до пролива Вериги. 242
 - 9) На велосипедах от пролива Вериги
к Герцег-Новому.. . . . 247
 - 10) По улице-лестнице в книжный магазин
«Соль» на главной городской площади Соли. . 254
 - 11) По улице-лестнице к пляжу. Исчисление
красот. Каменные сокровища. 262
 12. Радио Бока: передача «Меридианы».
Урок иврита у школы им. Марко
Мартиновича с видом на оба острова.. . . . 270
 13. Болезнь Моргеллонов.. . . . 273
 - 14-15. Президент Адам Оз: в море чаек. 278
 16. Гомо и гетеро.. . . . 287

17. Бельведер палаты Смекия. Судьба тельняшек. 1.300 евреев Оза.	294
18. Каракатица в марте. Камелия из семечка. Похлебка из мидий. Война: Кольца анаконды. Российская тельняшка.. . . .	301
19а, 19б, 19в – 20а, 20б, 20в. Два священника из myPhone'а. Развод. Сын, будущая жертва. Хлопковый путь и ГМО волокна возвращенца Филиппа. Химические следы. Ночь тысячи звезд.	308
21. Письмо из Хайфы: с марками, изображающими апельсины и израильский флаг.. . . .	326
22. Нет такого специалиста по хлопку, который скажет: хлопок! Время было испачкано скоростью. Google Arm. Приложение Follow You. Множество лиц Адама Оза. Тельняшка – военная форма. Минерал зеолит, стратегически распределенный.. . . .	331
23. Пенис – не мышца, и его нельзя увеличить тренировками. Зато с лицом можно вытворять настоящие чудеса, ведь оно состоит из мышц. Христофор Колумб: «Все матросы должны подняться на борт до полуночи 2 августа 1492 года». А именно в полночь 2 августа 1492 года кончается....	348
24. Атомная бомба. Мария беременна. «Богородица-на-Рифе, молись о нас!»	362
Об авторе.	367

Наша перспектива в нашей ретроспективе.

Милош Милошевич (МСМХХ – ММХІІ),
адмирал Бокельского флота,
организации моряков Залива,
которая существует на протяжении 13 веков

I

1

Градоначальница Пераста пригласила меня посетить город моих предков. Ее службам удалось меня разыскать, что, впрочем, не составило труда – они обратились к Google.

Я мог бы выбрать самолет, но все-таки решил плыть – потому что это медленнее. Всю жизнь я спешу, а теперь мне впервые захотелось иметь в своем распоряжении время.

Время превратилось в снежный ком, катящийся под откос: нельзя было посетить Пераст за 0,000,000,000,001 секунды. А ведь я жил там годами, как заправский горожанин, через Google. Следил, сколько прибывает кораблей, что происходит, как искусственный остров Богородицы-на-Рифе по традиции расширяют каждый год 22 июля и как особняк Смекия вырастает из моря других палаццо, называемых здесь палатами, высоким, как прежде, после последнего землетрясения.

«Святой Николай» плыл вперед, из Бари, к Котору, столице Боки. Белым носом он ненадолго вспарывал синее море, тут же зашивая его винтом за кормой.

Я хотел побыть наедине с самим собой. Все подкрепляло теорию о том, что изредка бывает полезно основательно медлить.

Если бы только я мог перенести производство тельняшек в Пераст?

Передо мной, обласканное двумя пространствами синевы, было натянуто, как струна, непростое решение из разряда тех, после которых все прочие решения даются легко.

Бремя решения было тем более странно, что я все время плыл назад: к месту, из которого мои барочные предки за несколько веков до этого уехали навсегда.

И, бросая с середины Маре Адриатико взгляд с кормы в сторону Италии, страны за горизонтом, я твердо знал, что вхожу спиной вперед в воды Ядрана¹, в волны собственного будущего.

*Come è strano!*²

Я уезжал, в действительности возвращаясь...

2

Котор меня взбудоражил.

Опоясанный многокилометровыми стенами Город и вся гора над средневековым поселением – такого не увидишь в других местах. В Которе пульсировала явственно различимая история.

Я нанял древнюю, деревянную весельную лодку.

¹ Ядран – сербское название Адриатики.

² Как это странно!

Был конец апреля, и многие лодочники на Риве уже поджидали туристов. Не занятые делом, они ели бутерброды с колбасой. Поддевали комки жира пальцем и выбрасывали их, наблюдая, кто проворнее, кошки или чайки. Я сел в лодку голубоглазого гребца Тони. Ему не могло быть больше двадцати с небольшим лет. На белой футболке синими буквами было написано: Тони.

– *Fra quanto tempo arriviamo a Perast?*³

– Если не задержат супротивные морские течения, будем в Перасте через два часа.

Тони греб набоисто.

Временами, щурясь, поглядывал на солнце, потом на меня, улыбаясь здоровой улыбкой – все зубы на месте – идеально симметричный, нагребал, затем подхватывал рукой бутыл, стоявшую у его ног, делал пару глотков и продолжал грести. Он честно делал свою работу, заключил я. Ни разу он не отпил воды из литровой стеклянной бутылки, предварительно не сделав более сильный гребок – чтобы инерция по поверхности моря позволила ему выиграть эти несколько секунд. И тогда он заменял соленый пот, выступающий на теле, соленой водой, текущей по гортани.

Пока мы болтали о том, сколько экзаменов ему осталось сдать на морском факультете, какие города – Пераст или Котор, а возможно, Лондон, Антверпен, Дубай, Сингапур или Шанхай – он видит подходящим местом для предстоящих приключений, и один или с семьей, лодочник все время складывал мимические черты своего юного, выдающегося красивого лица с расчетом, чтобы по пути из Котора в Пераст на лодке перед ним не смогла устоять ни одна женщина.

³ Через сколько будем в Перасте?

– Три порта, и не больше? Дай-ка подумать. Страсть как интересно... Сингапур, Гонконг и Гамбург – лучший выбор для холостяка. Но для моряка, хм, с его-то работой и семьей, которая его здесь ждет, на первом месте Сингапур, джунгли всеобилия, на втором Сидней, безобидная колония, а на третьем – Шанхай.

О том, что студент – красавец, что он – достойный соперник чудесной природе залива, созданной из моря гор, головокружительно вздымающихся над каталогом барочных каменных городов на берегу, красноречиво говорили животные. Чайки приземлялись на лодку, и мелкие рыбешки, отскакивая в сторону от носа, давали ему понять, что держатся поблизости.

Я бы решил, что все это случайность, если бы Тони не принялся, с величайшей вежливостью извинившись, умываться морской водой, спустя полтора часа плавания.

Солнце жарило все живое на земле и под поверхностью воды до метра глубиной. Но множество сардин, бопсов и пеламид все-таки собралось на поверхности, кажется, лишь затем, чтобы взглянуть на Тони вблизи.

К чему лгать, он был хорош собою сверх всякой меры.

Я не мог отвести глаз от его античных пропорций.

В особенности от лица, что каждый день теряло целое состояние, крася собой залив, а не места, где камер и фотоаппаратов больше, чем в этом фьорде – ненасытных чаек и туристов, вечно жадных до развлечений – вместе.

– Кого ты любишь, Тони?

– У меня немало любовей. Люблю Пераст и Боку Которскую. Люблю сестру и доряду печеную...

– И доряду печеную!

– Ага, печеную на углях из виноградных веточек. Чтобы после такой дорады жалко было чистить зубы. А вы?

– Я только начинаю любить Боку. Мне еще не случилось ходить по перастской земле.

3

Портье в ливрее сказал, что потестатши Марии Змаевич сейчас нет в палате Смекия, Городской ратуше. Ее не было в кабинете.

– Она в городском жардине, – добавил он.

Я показал ему приглашение, но швейцар лишь махнул рукой. Человек услужливый, он тут же пришел мне на выручку.

– Потестатша принимает весь день. Даже когда отдыхает в городском жардине. Так что ступайте по лестнице через палату; как приметите знак жужубы, поверните налево.

– Как ваше имя?

– Тончи, шьор⁴ Смекия.

– Спасибо, шьор Тончи.

Я не знал, что такое жужуба и как должен выглядеть *знак жужубы*. Что жардин – это сад, мне было ясно. Градоначальница называется «потестатша». Бокельский сербский был полон романизмов.

В верху винтовой каменной лестницы, над аркой, через которую лился яркий солнечный свет с цветочной пылью и парой залетных пчел, действительно

⁴ Шьор (романизм) – синьор, господин.

оказался древний рельеф, сделанный мастером-каменотесом при помощи зубила и молотка – в виде стилизованного растения, возможно, фруктового дерева. Надо же, это было растение с герба моей семьи – герба Smecchia! Десница сжимала в ладони веточку жужубы с тремя побегами.

Сад находился на каскаде на высоте второго этажа флигеля просторного комплекса Смекия. Он был весь желт от пыльцы и купы цветущих деревьев, чья юная зелень сливалась с синим цветом неба.

Налог на стар⁵ груза для парусных судов стал превышать стар груза для куда более быстрых пароходов. Старые перастчане, хоть и славились в торговле своей предприимчивостью, были, кроме того, фаталистами – таков уж их стародавний норов. Дентали, Вукасовичи, Студени, Смилоевичи, Райковичи, Шилопи, Чизмай, Шестокриловичи, Пероевичи, Стойшичи, Братица и Миоковичи – упорно не соглашались отказаться от парусных судов, от бесплатного ветра в пользу куда как более дорогой скорости.

К тому же пароходы не обещали мастерства навигации. Они посыпали копотью и экипаж, и палубу. Так думали представители всех казад, родона начальники всех двенадцати братств городской знати, в том числе и Смекия из казады Чизмай, со всеми ответвлениями своей лозы. Что ни плавало, все пропало.

Волна истории порою топит золото, пуская по поверхности щепки.

Вдруг взгляд, привольно блуждающий по садовой зелени, полной летних бутонов, нашел достойное

⁵ Стар – старая венецианская мера сыпучего груза.

сравнение в округлых формах женщины с горделивой осанкой. Стало быть, Марии Змаевич.

У меня сузились зрачки.

Я ощупал ее – здесь, и здесь, и здесь – взглядом за секунду – все, с чем мужчина желает ознакомиться.

Лицо, возраст, все тело, то, как она себя держит.

Видно было, как дышит управительница Пераста, ее грудь вздымалась и опускалась под кроной цветущего апельсинового дерева.

Чтобы представиться градоначальнице, мне пришлось нагнуть голову и шагнуть под крону.

Меня захлестнул сильный запах апельсинового цвета.

Красота статной сорокалетней женщины слилась и с морем, и с фруктовыми деревьями, и с медом.

Пчелы жужжали вокруг наших голов. Их было несметное множество, на тысячах цветков.

По килограмму пчел на дерево.

– Тсс... Ничего не говорите, шьор Смекия... Или мне стоит сказать: дорогой Никола. Просто дышите...

– Вы дебото⁶ знаете, кто я?

– Я знаю каждого перастчанина. Дышите. Вдыхайте до последних альвеол, напомните им, что такое ароматный кислород. Попотчуйте их йодом. Не так: сделайте вдох с видом на море. Повернитесь к островам, вот тут, где крона реже! Так. Оттуда с моря постоянно дует бавижела.

– Бавижела?

– Ветерок бавижела. Чудесное имя для автохтонного ветерка, вам не кажется?

Я дышал. С видом на Богородицу-на-Рифе и Святого Георгия.

⁶ Дебото (бокельский романизм) – стало быть, в самом деле.

Аромат апельсина был дополна насыщен, сладковатый *миракул*, чудесный дар для ноздрей. Как если бы кто-то размешал ложечку меда в кипящей морской воде, не добавив при этом ни капельки фруктов, но, возможно, щепотку измельченного ароматного апельсинового листа, прямиком с дерева.

О том, что я нахожусь в XXI веке, говорил вид сквозь цветущие ветви деревьев: на безоблачном небе оставляла за собой белые следы флотилия самолетов. Я бы и не заметил самолеты, если бы они не выписывали так много полос.

Боже, какой дзен или благословение, думал я. С властной дамой под натуральным спреем, разбрызгиваемым тысячами пчелиных крыльев.

– Ха, неужто вы в эти благодатные мгновения думаете, шьор Смекия?! Ни в коем случае не думайте! *Tabula rasa!* Будьте *tabula rasa!* Просто дышите. Дозируйте на свой вкус. Притягивайте и отпускайте ветки. Вдох... выдох... Выбирайте ветви, на которых больше всего цвета. Берегите только нос от пчел...

Мать моя, до сих пор я думал, что рассказы о благодатных мгновениях – всего лишь поэтический образ.

Японец бы в Боке изменил сакуре с апельсиновым деревцем.

Мне показалось, что, должно быть, цветок упал мне в волосы; вокруг нас под бавижелой то и дело опадал цвет. Килограммы цветов красили каждое плодоносящее дерево. Мария Змаевич двумя пальцами вытащила неожиданное украшение из моих волос, мизинцем коснувшись моего левого уха – случайно ли? – и взглянула мне в глаза взглядом женщины.

Выждала мгновение:

Или ее взгляд отразится от упругого мужского кортекса, или же выстрел из сосредоточенных властных глаз, как из рогатки, дефлорирует мой череп.

Подстреленный, я увидел в зрачках Марии Змаевич, как ее имею.

Я оставил без внимания ее податливую женскую дерзкость.

Не люблю, когда женщина меня старше. Хоть бы всего на один день.

*Allora non mi piace.*⁷

Отраженная в моем взгляде все же как потестатша, без примеси сексуального, Мария Змаевич спросила:

– Вы, что же, приехали в Пераст, зная, что я прости- тутка?

Вовсе нет.

– Вовсе нет.

– Важно, чтобы вы знали, дорогой Никола. Из-за предстоящей нам работы. А теперь прошу прощона. В кабинете меня уже, наверное, дожидается Президент Залива. Я для него готовлюсь, а с вами была всего ничего и уже запыхалась.

Я растерялся от того, что она сказала.

Она пошатнула мою стройную систему, основанную на опыте с женщинами.

Разум отказывался принимать слова, лишившие невинности образ первой перастчанки среди равных. Кто это вскрыл печати откровенности, да так, что теперь можно говорить вслух даже о сокровенном? Неужто политика превзошла искусство актерской игры, а политика как искусство возможного превратилась в

⁷ Тогда она меня не привлекает.

прикладной театр, отродившийся от демократии, или же и здешние избиратели начали играть, обводя в кружок имя того, кого якобы, а не взаправду желают?

Я не знал.

Мой взгляд скользил к полуостровам – ближнему Врмацу и лежащему чуть поодаль Святому Николаю.

Я изучил сзади градоначальницу, которая развязно шагала в своих белых туфлях по корчужской гальке к черному входу в палату.

Сладкими изгибами тела, в которых угадывался след рыбы и оливкового масла, с легкими, созданными, вероятно, из сладострастных вздохов, эта зрелая женщина в короткой юбке, надушенная чувственным апельсиновым цветом, увлекла за собой и несколько пчел. Какова, должно быть, слитность между природой и жизнью Залива, рыбой и гребцами, пчелами и властью?

Я крикнул ей вслед:

– Vi ringrazio per che mi aveterimosso il fiore dai capelli.⁸

Она коротко обернулась, вполоборота. Достаточно, чтобы низкие каблуки издали «шшш» на дробленом камне. Опасно улыбнулась.

– Это был не цветок апельсина, дорогой Никола. На вас упала мертвая пчела. Если присмотреться, вы увидите, что их немало в саду. Я хочу продлевать жизнь в этом городе до конца. Невзирая на приметы времени. Потому-то я вас и вызвала. Понимаете?

По правде говоря, не вполне.

Я еще какое-то время дышал.

Притягивал и отпускал веточки. Смешивал коктейль из разной степени интенсивности одного и того же запаха.

⁸ Спасибо, что убрали мне цветок из волос.

Одной деловитой пчелы, погрузившейся головой в плотные белые лепестки апельсина, я коснулся носом.

Не смог устоять, я просто должен был коснуться ее сзади. Теперь я приобрел новый опыт: я понюхал цветок с пчелой внутри.

О, Пераст, Пераст!

4

С горой с тыльной стороны, немногочисленными виноградниками и козами на плодородных каскадах по склонам исторический выбор у Пераста был невелик.

Всех своих сынов он рано отправлял на море: стать *tozzo* – юнгами, позже моряками, затем офицерами, затем капитанами, судовладельцами, вместе с тем и меценатами и непрестанно – военными. Корабельная верфь существует здесь с 1336 года, а мореходство – еще со времен пирустов, стародавних жителей этих мест, о которых известно, что они ели моллюсков в пещерах и ходили вдоль побережья на лодках-долбленках из сосновых стволов.

Средневековая история Пераста – история непримиримой вражды с близлежащим, вечно довлеющим над ним городом Котором.

Как если бы человек, купающийся в море, захотел приподнять над поверхностью воды собранные в щепоть пальцы обеих рук, так и перастчане, сколько себя помнят, не глядели на два лежащих поблизости

островка иначе, как на органичный придаток принадлежащего им побережья.

Однако же островное бенедиктинское аббатство святого Георгия с церковью и монастырем, построенное в середине IX века при единой христианской церкви – принадлежит которцам.

В то время еще не было соседнего острова. Лишь небольшой риф. Палец, выглянувший из воды. Точнее будет сказать – ноготь на мизинце.

Когда в конце XIV века начался упадок бенедиктинского ордена, которская знать стала выбирать аббатов из собственного числа. Это время секуляризации; аббат из знати больше не обязан соблюдать монашеское послушание. Первые среди знати в качестве дани формально еще надевают сутану древнего монашеского ордена, а те, что за ними, не делают даже этого. Их интересуют лишь крупные барыши.

С большой паствы.

Перастчане, соблюдая наложенную на них обязанность, сторожат узкое горло Залива. В проливе Вериги они верная погибель для пиратов.

Вместо того, чтобы наградить всего-то 2.000 жителей, которцы вырубают их виноградники. Лишь бы Пераст не развивался.

Подчиненные им перастчане любят Бога, однако уже люто ненавидят знать, впрочем, с надеждой, что этот грех будет им прощен.

Извещатели сообщают им о первых турецких парусах.

Которцы уже много лет отправляют гонцов, в меру осторожно потягивая за штанину венецианского дожа.

Свободу они готовы добровольно променять на протекторат.

Как муравей смотрит на тлю, видя в ней неисчерпаемый источник медвяной росы, так и Котор смотрел на Пераст. Но только Котор, в отличие от муравья, не стимулировал усиками спины перастчан, чтобы приучить будущих жителей самоуправного города к руке, что постоянно похлопывает их по плечу, не давая никакой награды.

Доведенные до грани выживания, перастчане наконец решили променять жизнь у кромки горы на жизнь у кромки моря.

Человек сторонний сказал бы, что они рассудили мудро. Они решились пуститься в плавание сообща. Променять короткие вылазки в воды Залива на долгие морские плавания.

Которцам страх не дает пойти на такое. По крайней мере, не коллективно.

Положа руку на сердце, у них и нет особой нужды.

Внутри городских стен сидит сытая знать, торговцы, мелкие и крупные. Они – владельцы или же партнеры караванов. Ежесекундно в пути из Котора, Печа, Призрена, Трепчи, Раса, Рудника и так далее находится от ста до четырехсот груженных лошадей. На продажу везут вяленые окорока, сыр, соленую рыбу, воск, мед, дерево, соль, краски, а обратно – медь и золото.

Сербия – Эльдорадо.

Была им до Косовской битвы, когда в Которе кузнецы, ковавшие мечи, и щиты, и доспехи, вместе со всевозможными ремесленниками проливали семь потов среди печей, мехов и наковален – столько было у них работы, или раньше, когда своим любимым, стольным городом правил Стефан Неманя⁹, с 1185 года и до последнего

⁹ Стефан Неманя – основатель династии Неманичей. Правил в 1166 – 1196. В конце жизни принял монашеский постриг на Афоне под именем Симеона. Канонизирован сербской церковью.

Неманича¹⁰ в 1371-ом. В те золотые годы перастское вино из уцелевших виноградников пьют сербские короли Драгутин¹¹ и Милутин¹²; Стефан Дечанский¹³ поручает монаху Вито из Котора строительство монастыря Высокие Дечаны в Косово; царь Душан¹⁴ отдает государственные финансы в ведение бокеля Николы Бучи, а затем Грубо Пасквалича; у царя Уроша также будет два протовестиара, министра финансов, в Заливе, Петар Николин Буча и Трифун Михайлов Буча. То, что все были католиками, Неманичей не смущает. Да и с чего бы?

После смерти последнего, царя Уроша¹⁵, распадается в междоусобных распрях все царство.

Дикие Балшичи¹⁶, горцы мелкого пошиба, хотят получить выход к морю. И в мыслях уже напали на Котор. Но им в пику и от их имени в 1377 году боснийский король Твртко I¹⁷ провозгласил себя законным наследником Неманичей, королем всех боснийских

¹⁰ Неманичи – средневековая сербская династия, в которой было 11 правителей, среди них два царя. Правла больше двух веков. По женской линии династия продолжается в роде Лазаревичей. В период Неманичей переживает свой расцвет Котор.

¹¹ Драгутин Неманич – король Сербии с 1276 по 1282 год.

¹² Милутин Неманич – король Сербии с 1282 по 1321 год.

¹³ Стефан Дечанский, Неманич, правил с 1322 по 1331 год. Сделал Сербию самым сильным государством на Балканах.

¹⁴ Стефан Душан Неманич – король Сербии в 1331 – 1326 гг. И царь сербов, болгар и греков в 1346 – 1355 гг.

¹⁵ Царь Урош – последний из Неманичей, 1355 – 1371.

¹⁶ Балшичи – средневековая сербская династия, правившая частью современной Черногории в 1360 – 1421 гг.

¹⁷ Твртко I – король средневековой Боснии, имел титул «короля боснийских и приморских сербов», 1338 – 1391.

и приморских сербов. Протовестиаром он назначает Трифуна Бучу, которца, и которцы избирают Твртко своим защитником.

После его смерти город становится самостоятельным, но беспомощным.

Одинокая травинка в море косарей.

Несколько раз он гордо предлагает, затем просит и в конце концов умоляет и заклинает Венецию немедленно! развернуть флаг Венецианской республики, крылатого льва, над городской крепостью.

И было так.

В 1420 году.

За все это время в двух часах ходу на веслах изменилось немного. Не в лучшую сторону. В Перасте вовсю варится каша. В последние годы уже просто кипит.

В селе в 1530 году появляется новый аббат.

Он, Помпей Пасквали, запрещал даже девушке из одного церковного феода выходить замуж за юношу с какого-нибудь другого феодального надела. Он выжимал пот и кровь из овец вверенного ему стада, не слишком-то заботясь об их душах.

И потому перастчане с великим шумом и решились держаться вместе и тем самым похоронить в себе оброчных крестьян и наконец переродиться в мореходов.

3 мая 1535 года семьдесят вооруженных мужчин прерывают богослужение. В алтаре островного храма они убивают духовного прокуратора, аббата Пасквали – и все как один по решению папы Павла III на одиннадцать лет отлучаются от католической церкви.

Нет сведений о том, какая часть жителей Пераста надела траур, исчезнув из Книги жизни.

Также неизвестно, полегчало ли перастчанам после шумного решения *держаться всем вместе*. Как бы то ни было, в бунте они отвоевали себе имя, которое, быть может, полегчало на грамм души – или же пропорционально потяжелело настолько, насколько чашу весов оттягивают яйца.

Славные строители чужих парусников, хранители Залива, селяне не первого порядка и так никогда и не признанные виноградари, они начали и сами постепенно ходить по морю. По морю Серениссимы, Венецианской республики.

Там они себя проявят, да еще как.

На синих полосах долготы и белых полосах широты.

На морских длинах и ширинах.

5

Я остановился в отеле «Казады». Гостиница названа в честь двенадцати семей – родоначальниц города, которые за военные флотские заслуги выросли в местную знать.

Гардеробщик, красивый студент которского факультета туризма, развесил содержимое моего чемодана по вешалкам в шкафу. Я наблюдал его балетный номер с удовольствием. Он переминался в нерешительности, не зная, как разместить одинаковые на первый взгляд вещи: мои многочисленные тельняшки. Затем пиджаки в полоску и брюки. А затем и пляжные полотенца

в сине-белую полосу. Получив чаевые, он галантно ретировался.

Я поговорил с сотрудниками в Бари онлайн, потянул за разные ниточки и, лишь закончив все дела, в тишине, осознал звук поцелуев между волнами и тесаным камнем набережной. В Бари я жил не рядом с морем. *Non ho vissuto proprio vicino al mare.*¹⁸

Мне написал по электронной почте приходской священник, дон Беньямин. Не скупясь на детали, он объяснял, что хочет установить близ базилики святого Николая освещенную со всех сторон престольную икону святого Николая. И будет этот святой образ, писал дон Беньямин, составлен из тысяч и тысяч фотопортретов людей, крещенных именем Николай. Он попросил у меня разрешения – а он сейчас пишет многим, – если я позволю, поместить в мозаику и мое фотоизображение, которое просит меня отправить ему, чтобы город Бари мог в год культуры, как он сказал, показать множество своих христианских лиц...

Я ответил дону Беньямину, что он окажет мне особую честь, поместив мое изображение в большую фотомозаику, посвященную святому Николаю. Ему будет приятно прочитать именно эти слова. Я нажал «Send»¹⁹ и вернулся в землю мореходов, которую оберегает не только Богородица-на-Рифе, но и святой Николай.

Я расположился в сотне метров от главной площади, на набережной капитана Марко Мартиновича. Гостиница «Казады» некогда была палатой одной из самых знатных семей, семьи Вискович из братства Дентали. Без их заслуг невозможно было представить себе рассказ о

¹⁸ Не настолько близко к морю.

¹⁹ Отправить.

Перасте с XV по XX век. Западную стену украшала копия какой-то фрески, а восточную – копия портрета Франо Висковича. Ниже было написано:

Капитан дальнего плавания Франо Вискович (Пераст, 1836 – Триест, 1905), наиболее выдающаяся личность из Пераста в XIX и XX веках; кавалер ордена Франца Иосифа, кавалер ордена Таковского креста третьей степени, командор папского ордена святого Григория Великого, командор и кавалер ордена князя Даниила, рыцарь I класса ордена Белый сокол – Саксен-Мейнингена, кавалер греческого ордена Спасителя, кавалер папского ордена святого Сильвестра, кавалер иерусалимского ордена Святого Гроба Господня, награжден османским орденом Меджидие IV степени и медалью за заслуги перед обществом Accademia Universale dei Quirti, изобретатель штормового компаса и циклонографа, автор навигационных пособий, писатель, главный инспектор австрийского пароходного общества «Lloyd»...

Я салютовал мореплавателю, торговцу, военному и меценату капитану Франо Висковичу. И был прав, предположив, что в книге о гостинице найду всех Висковичей. Многие портреты я видел в лобби и на стойке администратора. Остальные, должно быть, были в своих номерах, с подписями и описанием того, куда хронологически им удалось доплыть: Мартин, Никола, Паво, Стъепан, Симон, Комлен, Крсто, снова Мартин, Нико, Вицко, Франо, Симоне, снова Никола, Мариян, Андрия, Йосип, Антон, снова Крсто, Альвизе, Ганнибал, снова Мартин, Вьекослав, снова Йосип и Крсто, еще один Мартин, Родольфо и еще раз Йосип – Вискович.

Я салютовал книге!

Блики плясали на белых стенах, повторяя переливы волн с многократно преломленным солнцем.

Я подумал: сколько еще фамилий в этом городе, кроме Висковичей!

Помноженных на двенадцать братств!

Какая частица мировой географии! – сказал я про себя.

Рай – это не всегда кокосовая пальма, склонившаяся над белым песком, с коралловым рифом на заднем плане. Уроженец Средиземноморья хвалит пейзажи с полинезийскими пальмами и атоллами, но тонкая струна у него в груди вздрагивает от панорамного вида, такого, как вид с террасы перастской палаты Буйовичей 1694 года постройки, когда за тесанной вручную балюстрадой и каменным львом вырастает складная палата, самая большая из всех, моя – палата Смекия, за ней стройная колокольня церкви святого Николая, за ней в отдалении иссиня-серая горная гряда единственного средиземноморского фьорда, а среди всего этого! – рыбацкие лодки и церкви – отражающиеся на поверхности под кронами пальм и средиземноморских сосен.

Бока Которская была настоящим раем. Каждая ее частичка.

Я выкурил самокрутку с *munk'*ом²⁰ на террасе, переместился в джакузи, по всей видимости, думал цветными кадрами длиной не более секунды, снял с вешалки первую тельняшку, натянул белые льняные брюки и надел на босу ногу кожаные сандалии. Еще был день. Мне хотелось в Пераст.

Он слишком долго ждал меня. Мой город.

Я видел улыбающуюся продавщицу черепах, уступающую самой старой черепахе в возрасте лет на сто.

²⁰ Google unknown new drug.

Девочка раскрасила красным лаком для ногтей их роговые выросты над головой наподобие бантов, тем самым набивая им цену.

Одна молодая *Eurotestudo hermanni* не длиннее 7 см направилась было к площади святого Николая.

Там, в саду таверны «Вериги» за одним столом сидели два священника. Католического я узнал по воротничку, а православного – по мантии. Они пили чай из майорана. С дольками лимона.

– Трагедия заключается том, что избавитель, которого ждут евреи, придет.

– Мир – корабль, который идет ко дну потому, что прогнила сама его конструкция. Бог не требует от нас спасти мир, ведь всякая попытка была бы тщетной и смешной. И потому не следует спасать корабль, пытаемся вместо этого спасти как можно больше жертв кораблекрушения.

Манк сделал мой слух тоньше, а зрение острее.

Я заметил, как чайка поймала клювом рыбешку на мелководе. Какой-то местный житель вытягивал из лодки канат, облепленный мидиями. По старой дороге пробежал мальчишка с вертушкой в руке. Молодая женщина развешивала на балконе белье. Два парня в белых рубашках смотрели на нее снизу. «Мама, мама!» – орал на одном из языков ребенок из-за угла. Бавижела слегка покачивала листья выстроившихся рядом пальм. Через пролив неспешно проходила лодка, а за ней неся водный мотоцикл. Старушка на узкой улице принялась креститься безо всякой видимой причины. Яростно прогнанная с края запотевшего стакана кока-колы, оса успела ужалить женщину; официант незамедлительно возник со льдом, завернутым в тряпичную салфетку.

Прибывал предсезонный круизный лайнер, но его громада еще не была видна из Герцеговского залива, слышался лишь гудок пароходной сирены. Дети играли в баскетбол на небольшой площади – пьяцетте. В банкомате застряла чья-то карта, сопровождаемая ругательством. Почтальону на фуражку капнула чайка. По каменным ступеням спускались mater и pater familias с двумя близняшками, юными подростками.

Часы на колокольне святого Николая пробили полный час.

Один камень, неведь откуда взявшись, упал в море.

Владелец лодки, переправляющей перстчан и туристов на острова, задрал вверх подбородок градусов на 80, недоумевая, что бы это могло быть.

Рыбак с причала у площади сказал:

– Снова которцы.

А рыбак из-за каменного парапета:

– Нет. На этот раз слабое землетрясение. Гляди, как заходила стоячая вода у причала.

Затем они дискутировали, оба одетые в старые тельняшки югославского военно-морского флота, видимо, неснашиваемые, о розовой рыбе, трепещущей и подпрыгивающей на тесаных каменных плитах: автохтонный ли это вид или же, судя по расположению зубов, какая-то неизвестная разновидность, приплывшая за последним лайнером, курсирующим между Карибами и Средиземным морем.

– Глянь-ка на нее! Подохнет, а кусаться не перестанет! Что твой человек!

Мне показалось, что из автобуса на Риве вышла группа туристов. Водитель дал три отрывистых и три длинных гудка и снова три коротких, и так я понял, что это

не туристы. Это все возвращенцы. В первый раз, держа в одной руке чемодан, а некоторые – сжимая в другой ладонь ребенка или пожилого супруга, смотрели перед собой. И вверх. Осматривая весь этот Пераст. Сжимая в пальцах платки – что от слез, что от пота...

Они прибыли в барочный город-музей.

За рядом палат и палацинов на берегу моря возвышался следующий ряд. В Перасте было всего две улицы на ровной поверхности, и две эти длинные улицы – в зависимости от нижней точки отлива – возвышались на метр или два над уровнем моря. Потом городская застройка карабкалась все выше с каждым каскадом, в архитектурном плане разрастаясь все отвеснее, так что и на старых, не говоря уже о новых открытках самая верхняя палата значительно возвышается над самой нижней. Над Городом высилась громада крепости святого Илии, и к палате Змаевич, скажем, или к церкви святого Антония, или к самым младшим палатам – вела одна из городских лестниц.

Я решил начать прогулку с какой-нибудь выбранной наобум лестницы. Слева от колокольни святого Николая начиналась главная, Большая лестница, но на 44-ой ступени, у палаты Мартинович, она делилась надвое, уходя влево, и я направился туда по узкой мощеной улице. На синей табличке было написано белыми буквами: ул. Крилович. Лишь позже я узнаю, что она ведет не только к палате Крилович, но и к лестнице улицы Змаевич. Перед домом барочного художника Трипо Коколи²¹ я получил первый урок о знакомстве

²¹ Трипо Коколя – самый известный барочный художник восточного побережья Адриатики (Пераст, 1661 – Корчула, 1713). Расписал церковь Богородицы-на-Рифе у Пераста.

с Перастом. Под углом 75 градусов вверх устремлялись каменные ступени. И я начал подъем по крутой лестнице Трипо Коколи.

Под моими сандалиями похрустывали мясистые листья ароматной травы *Grattata expelsa*, при помощи которой – пока интенсивный сбор не привел к почти полному ее исчезновению в Средиземноморье – жители греческого, итальянского, французского и испанского побережья веками успешно лечили себорею. Кто-то когда-то, возможно, во времена капитана эпохи барокко Вицко Буйовича, уложил камень так, что нижний едва выглядывает из-под верхнего. Иначе этот ручей горного воздуха – так он был крут – и не мог превратиться в отвесно лежащую улицу; с врезанными тут и там площадками для отдыха он был удивительно похож на корабельную лестницу.

Как правило, я видел над собой лишь линии, вырезанные зубилом на камне, чье золотое здешнее прошлое разве что и помнит, когда это было.

Странно, но даже за палаты с таким подступом велись нешуточные бои на рынке до Войны за Залив, то есть до последнего большого землетрясения. Тысячи за квадратный метр – столько давали. О, и наскоро брали.

После сделок на скорую руку многие навечно сделались неперастчанами, кто-то с недвижимостью в Загреб, кто-то в Белграде, кто-то на дне ущелья вместе с автомобилем, возомнившим себя самолетом...

К 180-ой ступеньке над уровнем моря туристы выдыхаются, так что и не добираются досюда. Но, стоило мне обернуться, как я видел, что ошибаюсь. Какой-нибудь видеоблогер с запыхавшимся оператором уже стоял в первом пролете.